

Источники и литература

1. Россия: содержание либерализации // Белорусский рынок. – 2001. – № 48
2. Семёнов Б. Д. Перспективы развития малого бизнеса [предпринимательства] в Республике Беларусь // Предпринимательство в Белоруссии. – 2001. – № 36.
3. Малое предпринимательство в кризисном обществе («круглый стол») // Социологические исследования. – 1999. – № 7.
4. Бутенко А. П., Колесниченко Ю. В. Менталитет россиян и евразийство: их сущность и общественно-политический смысл // Социологические исследования. – 1996. – № 5.
5. Зимин А. И. Европоцентризм и русское национальное самосознание. // Социологические исследования. – 1996. – № 2.
6. Мизес Л. фон. Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность. – М., 1993.
7. Кравченко А. И. Три капитализма в России // Социологические исследования. – 1999. – № 7.
8. Кириенко В. В. Менталитет современных белорусов как фактор общественного реформирования // Социология. – 1999. – № 1.
9. Снапковский В. Белорусская экономическая элита // Нац. экономич. газ. – 1995. – № 11.
10. Телевич Н. М. Эволюция взглядов на предпринимательство // Предпринимательство в Белоруссии. – 2001. – № 1.
11. Клименко В. А., Артюхин М. И. Социальная база предпринимательства // Социология. – 1999. – № 1.
12. Туроу Л. Будущее капитализма. – Новосибирск, 1999.

Приходной Р.В.**ПАДЕНИЕ ПОЭТА****(образ А.И. Тинякова в мемуарах Георгия Иванова, Михаила Зоценко, Владислава Ходасевича)**

Данная статья анализирует отражение образа талантливого, полузабытого поэта начала прошлого столетия в мемуарах других писателей. На примере А.И. Тинякова раскрываются особенности мемуаров М. Зоценко, Иванова и В. Ходасевича. Сделана попытка выявить общность нравственной позиции авторов. Статья – часть диссертации, посвященной проблематике творчества Георгия Иванова.

Проблема статьи мало исследована.

В предисловии к трехтомнику Г.Иванова Е. Витковский отмечает, что о Тинякове писали Г.Иванов, В.Ходасевич и М.Зоценко. Утверждается, что М.Зоценко подробно рассказал о пути Тинякова к нищенству. Приводятся строки из «Моления о пище» Тинякова, фигурирующие в воспоминаниях М.Зоценко.

Все это не представляется верным. М.Зоценко не пишет о подробностях жизни поэта, приведших к профессиональному нищенству. Он говорит только о этапных встречах с ним. Хотя он и цитирует «Моление о пище», но не те строки, которые приводятся в воспоминаниях М.Зоценко. Для Витковского существенно следующее: сходство поэтики позднего Г.Иванова и его манеры поведения с Тиняковым. Отмечается, что поэтический дар спас Иванова от свойственной Тинякову карикатурности. Воспоминания Ходасевича не рассматриваются [2. т.1. с.36-38]

В послесловии к повести М.Зоценко «Драма неисцеленного разума» А.Пузырей дает комментарий психолога. А.Тиняков не упоминается. Во главе угла поставлен вопрос: смог ли Зоценко вылечить себя [1].

В предисловии к «Некрополю» Н.Богомолов дает характеристику прозы Ходасевича. А.Тиняков только упоминается [12].

В предисловии к сборнику избранных произведений В.Ходасевича «Тяжелая лира Владислава Ходасевича» С.Бочаров пытается определить особенности «Некрополя». Ходасевич, по его мнению, не только мемуарист, но и историк. Поскольку А.Тиняков не фигурирует в «Некрополе», то о нем не говорит и автор предисловия.

В сборнике чувственной лирики серебряного века справка о Тинякове содержит указание на нищенство, репутацию циника и аморалиста и на то, что он считал В.Брюсова своим учителем [15].

В статье сделана попытка обнаружить стержень общий для всех трех авторов и объединяющий их в отношении к Тинякову. Тем самым выявляются точки соприкосновения между писателями-эмигрантами и автором оставшимся на родине.

В 1922 году Михаил Зоценко получил в подарок от автора книгу стихов, в которой были такие строки:

Пищи сладкой, пищи вкусной
 Даруй мне, судьба моя, -
 И любой поступок гнусный
 Совершу за пищу я.
 В сердце чистое нагажу,
 Крылья мыслям остригу,
 Совершу грабеж и кражу,
 Пятки вылижу врагу!

Зоженко делится впечатлением:

«Это смердяковское вдохновенное стихотворение почти гениально. Вместе с тем история нашей литературы, должно быть, не знает сколько-нибудь равного цинизма, сколько-нибудь равного человеческого падения» [1].

Приведенное высказывание относится к Александру Ивановичу Тинякову. Его стихи, по мнению Михаила Михайловича, были необыкновенны: талантливы и поэтому страшны. Он встретился с автором позже, когда Александр Иванович стал профессиональным нищим.

Вступивший на новое поприще поэт излагает прозаикой свое кредо: «Не все ли равно, как прожить в этом мире, прежде чем околоть!» [1].

Зоженко отмечает двойственность производимого Тиняковым впечатления: «Он был похож на Иисуса Христа. И только внимательный глаз мог в его облике, в его лице увидеть нечто ужасное, отвратительное – харю с застывшей улыбочкой человека, которому больше нечего терять» [1].

Зоженко вспоминает о Тинякове в связи с описанием своих попыток избавиться от страха и сомнений, обрести душевное равновесие.

Тиняков – собирательный образ прошлого с его фальшивым эстетизмом и подлинным безобразием. О нем не стоит жалеть.

Автор, применив метод ретроспекции, превращает конкретного человека в символ несостоятельности дореволюционного мира. Он приводит два образца творчества поэта –

1912 год:

Как девы в горький час измены,
Цветы хранили грустный вид.

1922 год:

Проституточки – голубки,
Ничего для вас не жаль... [1].

«Образ этого поэта, образ нищего остался в моей памяти как самое ужасное видение из всего того, что я встретил в моей жизни» [1].

В «Повести о разуме» путь Тинякова – банкротство. Поэт становится «животным более страшным, чем какое-либо иное, ибо оно тащит за собой профессиональные привычки поэта [1]. Сор возобладал над цветами. Тиняков не выдержал искусства революции.

Зоженко показал финал Тинякова. Отвратительно своеобразный, он, тем не менее в воображении автора вырастает до обобщения.

Но Тиняков привлекал внимание не только Зоженко. О нем оставили воспоминания Георгий Иванов и Владислав Ходасевич. Они рассказывают о более ранних периодах жизни поэта.

В «Александре Ивановиче» Георгия Иванова обрисована юность героя в «Неудачниках» Ходасевича, начало литературной деятельности, а в очерке Иванова «Человек в рединготе», описаны встречи с поэтом. Таким образом, мемуары складываются в своеобразную биографию. Она фактически неточна, разноречива, субъективна. Но поэту и интересна. В освещении личности Александра Ивановича проявляется своеобразие мемуарной прозы всех трех авторов, которая не мешает единству впечатления.

Ракурс каждый раз различен.

В «Неудачниках» Ходасевич отмечает, что взялся за перо из-за фактических неточностей, которые были допущены Цветаевой. Он говорит о том, в чем сам участвовал. Однако восстановление фактов наводит его на размышление о типах литературной бездарности. Описав свои встречи с Марией Папер, он замечает: «Как ни грустен в сущности образ Марии Папер, перед ним позволительно и улыбнуться – прежде всего потому, что сама она в своей одержимости была почти счастлива, ибо почти блаженна. Она пела, закрыв глаза, и песней своей упивалась. Тяжела судьба тех, у кого глаза раскрыты. Я видел таких очень много – сейчас расскажу об одном» [12].

Тот, «у кого глаза раскрыты» – Тиняков, выступающий в мемуарах Ходасевича под своим псевдонимом Одиноким.

Автор отмечает двойственность производимого Одиноким впечатления: «Черты бледного лица правильны, тонки, почти красивы. Кто-то уже называл его «нестеровским мальчиком», кто-то – «флорентийским юношей». «Однако, если всмотреться попристальной, можно было заметить, что тонкость его уж не так тонка, что лицо, пожалуй, у него грубовато, голос деревенский, а выговор семинарский, что ноги в стоптанных сапогах он ставит носками внутрь. Словом, сквозь романтическую наружность сквозило что-то плебейское» [12].

Ходасевич сближается с Зоженко: оба пишут о том, что красота поэта поверхностна, при более пристальном взгляде она исчезает.

Но двойственность Одинокого не только внешняя: Он постоянно прислушивался к чужим мнениям и переделывал свои стихи. «За всем тем, за смиренною внешностью таил он самолюбие довольно воспаленное» [12].

Тиняков не выдержал того, что первая книга стихов не получила большого резонанса. «Он ждал либо славы, либо гонений, которые в те еще героические времена модернизма расценивались наравне со славой: ведь гонениями и насмешками общество встречало всех наших учителей. Но спокойного доброжелательства, дружеских ободрений, советов работать Одиноким не вынес. В душе он ожесточился» [12].

Зоженко спрашивает себя, откуда берется его боль: «Быть может, она возникает оттого, что видел печальные сцены прощания с этим ушедшим миром? Я был свидетелем, как уходил этот мир, как с плеч его соскользнула эта непрочная красота, это декоративное изящество» [1].

Вслед за этим он вспоминает о Тинякове. Он для Зощенко – символ катастрофы старого уклада, то есть наиболее яркий тип.

Ходасевич также выбирает его, как наиболее типичного неудачника из множества других. В образе Тинякова выявляется своеобразная черта: яркая заурядность.

Ходасевич отмечает: после «катастрофы» со сборником *Одинокий* почти перестает писать стихи. Он предается решению разнообразных вопросов при помощи «кабацких вдохновений и озарений» [12]. В результате он – сотрудник либеральной и черносотенной газет одновременно. Двойное сотрудничество разоблачилось, и Тиняков был назван Тартюфом [2.т.3.с.693]. Ходасевич, однако, пишет: «Я совершенно уверен, что делал он это не от подлости, а именно от того, что запутался, «потерял все концы и начала», - может быть, отчасти и спьяну» [12].

Отметим: Преображение поэзии Тинякова Михаил Зощенко считает проявление душевной низости. «Он перестал притворяться. Перестал лепетать слова-ланиты, перси. Он заменил эти слова иными, более близкими ему по духу» [1].

В «Неудачниках» происшедшее с Тиняковым – лишь отсутствие ориентиров, отказ от необходимого поэтам труда. Вывод характерен для автора, который признавался, что может несколько лет работать над одним стихотворением [7].

Попытка дотянуться до Брюсова не увенчалась успехом. Тиняков снова не выдерживает искусства, на этот раз не революционного, а поэтического.

Не считая *Одинокого* талантливым поэтом, Ходасевич упоминает о одаренности его природы [12].

Ходасевич сходится с Георгием Ивановым.

В воспоминаниях Георгия Иванова Тиняков сначала второстепенная, но примечательная фигура: «Это был человек страшного вида, оборванный, обросший волосами, ходивший в опорках и крайне ученый. Он изучил все, от клинописи до гипнотизма. Главным коньком его был Талмуд, изученный им досконально, но толковавшийся несколько специфически. Тиняков в трезвом виде был смирен и имел вид забытый и грустный. В пьяном, а пьян он был почти всегда, - он становился предприимчивым» [2. т.3. с.82].

Пока Тиняков – только член окружения Бориса Садовского.

Впоследствии в мемуарах Иванова он становится самостоятельной фигурой.

В очерке «Человек в рединготе» Иванов описывает первые встречи с Тиняковым: пьяница, читающий наизусть по-французски Бодлера в плавучем кабачке и тут же устраивающий побоище с летающими бутылками. Поклонник Бодлера ссылается на знакомство с Вырубовой и Распутиным.

Вторая встреча: общество литераторствующих эстетов «Физа».

Знакомый Григория Ефимовича вполне буржуазного вида, читает перед вполне буржуазной аудиторией доклад: «Читал он что-то длинное, с цитатами и ссылками на источники о предшественниках Шекспира, читал с повадками заправского приват-доцента». Тиняков рекомендуется одним из учредителей общества как образованный, интересный человек, пользующийся авторитетом среди ученых. Разумеется, он не имеет никакого отношения к Распутину [2.т.3.с.402-404].

Александр Иванович заинтриговывает мемуариста контрастностью облика.

Встретившись с автором в «Бродячей собаке» поэт излагает ему взгляды на жизнь: «Ну, мне разбили морду... или я разбил. Не все ли равно. Не согласны? Это в вас молодая кровь играет – поживете с мое, будете так же рассуждать». Попав на квартиру поэта, Иванов видит его иконостас: «Он молча берет меня за рукав и тянет в угол. Берет свечу и подносит к стеклу киота. Потемневшие старинные ризы, тусклые венчики со стертой позолотой. Первую минуту я не понимаю, в чем дело.

Он подносит огарок еще ближе. В середине под темным окладом выступают черная борода и бледное лицо Распутина. По бокам, тоже в ризах, Ницше, Бодлер, Вырубова. А вперемежку с ними настоящие иконы». Тиняков молится Распутину, и отвращение слушателя доставляет ему удовольствие [2.т.3.с.405-406].

Описанная сцена иллюстрирует правильность вывода Ходасевича. Поэт «потерял все концы и начала». Итог – кощунственный эпатаж.

Однако этот эпизод существует в двух вариантах: «Человек в рединготе» опубликован в 1933 году, но воспоминания о Тинякове вышли в свет еще в 1927.

В варианте 1927 года на месте Распутина – портрет Брюсова кисти Врубеля. Молитва соответственно меняет адресата [2.т.3.с.693-694].

Тиняков говорит: Друг Брюсова – мой друг. В каком смысле надо понимать друг? В том смысле, в каком тварь, солнцем питаемая – друг ему. Брюсов – солнце, мы твари...» [3].

Самоуничижение Тинякова снова напоминает о «Неудачниках»: «Было в нем что-то от «подпольного» человека, растрывающего себя явным унижением и загаенной гордыней» [12].

В первом варианте в иконостасе оказываются Блаватская и дед поэта Аристарх Тиняков, снятый на каторге. Это выглядело еще более эпатажно.

Вадим Крейд отмечает: «В поздней публикации Г.Иванов не только убрал упоминание деда, который «девять человек положил» - кстати, деда Тинякова звали Максим Александрович, а отнюдь не Аристарх, - но убрано и упоминание «дамочки с муфтой», т.е. Елены Петровны Блаватской, круг почитателей которой в Риге был очень широк» [2.т.3.с.695].

Иванов, в отличие от Ходасевича, жертвует достоверностью, что является характерной чертой его мемуаров. Это сознательный прием мемуариста.

Далее поэт говорит о своем мироощущении, и обнаруживается, что фактические несоответствия не слишком важны.

«Только тоски человеческой взять не может водка. Стыд – без остатка. Совесть – точно и нет ника-

кой. Честь – а ты выпей еще стаканчик и пошлешь эту самую честь к черту, как шлюху на Лиговке. А вот тоска – как алмаз. Ничего с ней не поделаешь. Стоит в груди и не тает» [2.т.3.с.406].

Вот в чем разгадка. В самом деле, не все ли равно, чем заниматься, если в основе всего – тоска. Природа этого чувства раскрывается в очерке «Александр Иванович».

Тиняков рассказывает автору о своей любви. «Чувство у меня такое особенное было с детства, не маряйся, мол, подожди настоящей встречи. Ну, словом, идеализм. Очень крепко во мне это чувство сидело – не вышибешь. Даже теперь не вышибешь, представьте себе. Вот я вью сегодня с утра, - Человек, еще пару! Живо! – но голова у меня ясная, и ясно я понимаю всей пропащей моей головой, что это и была та встреча, о которой я мечтал, которую сулил мне Бог. А что мечталось мне немного иначе, чем вышло в действительности, - так это уж вольно было мечтать» [2.т.3.с.394].

Александр Иванович добивается успеха, собирается жениться, но он нужен своей невесте лишь для того, чтобы оставить у него чемоданы с расчлененным телом мужа. И после этой, посланной Богом, встречи жизнь будущего поэта принимает тот оборот, который приведет к профессиональному нищенству и следующему признанию:

Я до конца презираю
Истину, совесть и честь.
Лишь одного я желаю –
Бражничать блудно да есть.
Только бы льнули девчонки,
К черту пославшие стыд
Только б водились деньжонки
Да не слабел аппетит [2.т.3.с.392, 399].

Тоска поэта – тоска утраченного идеала. Поруванный жизнью идеализм превращается в свою противоположность. Но крепкая, как алмаз, тоска, которую не может уничтожить самая лучшая водка – суть противоречивой личности поэта.

Он становится аморалистом, чтобы ее заглушить, она же – следствие изуродованного обстоятельствами идеала. Можно сказать, что безобразное в Тинякове – оборотная сторона его лучших качеств.

Александр Иванович признается: «Хотел горло перерезать – сподлецовал, страшно. Это меня, представьте, и успокоило. Если так, думаю, отчего бы и не пожить на пробу» [там же].

Тиняков живет «на пробу»: «сподлецовал – страшно».

Жизнь – результат трусости, а если так, все равно как она будет прожита.

«И вот двадцать лет живу, - ничего, даже потолстел. Стихи пишу, хулиганствую, деньги без отдачи выпрашиваю. Вот Кабаллу принялся изучать, ничего, занятная Кабалла... Не протестуйте! Благородно! Любовь движет солнцем и другими мирами...» [там же].

Энциклопедическая образованность Тинякова – также результат неудавшейся любви: «На науки стал бросаться – не помогли и науки» [там же].

Жизнь Тинякова – движение без цели.

В результате – характеристика в письме Ходасевича к Садовскому: «Паразит не в бранном, а в точном смысле слова» [2.т.3.с.692].

В «Александре Ивановиче» раскрывается сущность «паразита не в бранном, а в точном смысле слова». Но по мнению Вадима Крейда – этот очерк скорее беллетристика, чем мемуары. Недоверие вызывает описание путешествия с трупом в чемоданах [2.т.3.с.693].

В данном контексте существенным представляется следующее: снова возникает вопрос авторской установки мемуаристов.

Читатель «Некрополя» предупреждается: «Собранные в этой книге воспоминания о некоторых писателях недавнего прошлого основаны только на том, чему я сам был свидетелем, на прямых показаниях действующих лиц и на печатных и письменных документах» [12].

В «Повести о разуме» Зощенко извлекает картины из своей памяти.

Автор «Петербургских зим» признался, что в его мемуарах «семьдесят пять процентов выдумки и двадцать пять правды». Он назвал их «полубеллетристическими фельетонами». «Иванов употребил слово «фельетон» в его старом значении /см. словарь В.Даля: «фельетон – листок для рассказней в газете» [2.Т.1.с.24].

В «Русской литературе в изгнании» Глеб Струве обращает внимание, что в «Петербургских зимах» хорошо передан общий дух эпохи...» [10].

В.Крейд отнес Георгия Иванова к категории писателей, которых привлекает прежде всего психосфера времени [4].

Тиняков – часть воссоздаваемой Ивановым психосферы времени.

Интересно сравнить финальные строки воспоминаний о поэте. «Повесть о разуме» начинается с признания автора, что образы нищих часто появлялись в его снах. Это фобия, от которой он старается избавиться [1].

Воспоминания о Тинякове завершаются следующим выводом: «Я мог страшиться такой судьбы. Мог страшиться таких чувств. Такой поэзии.

Я мог страшиться образа нищего» [1].

Ходасевич, рассказав о последней встрече с поэтом, говорит:

«Больше я его не видел» [12].

Иванов заканчивает «Человека в рединготe» так:

«Но в 1922 году я неожиданно услышал его имя, и мне пришлось удивиться еще раз. Это имя теперь сияло высоко, очень высоко на московском «звездном небе», притом в непосредственной близости к блистательному солнцу ГПУ» [2.Т.3.с.407].

Для Зошенко воспоминания о Тинякове – завершение первого этапа самоанализа.

Ходасевич останавливается тогда, когда уже не смог бы придерживаться фактов.

О финале «Человека в рединготе» В.Крейд замечает: «Этот последний абзац очерка приходится отнести к области беллетристики. «Высоко» имя Тинякова в те годы уже не «сияло», и жил он в Петрограде» [2.Т.3.с.695].

Для Георгия Иванова важно, что поэт – яркий представитель времени. Поэтому, чтобы его образ был завершенным, автор допускает недостоверность. Характерно, что в раннем варианте мемуаров Тиняков в конце оказывается чекистом [3].

Жизнь на пробу приводит к логическому результату.

Воспоминания о Тинякове для всех трех мемуаристов оказываются связаны с темой личного краха.

Зошенко констатирует состояние собственной психики: «Уже ничего не интересовало меня. Игра, казалось, была проиграна. Борьба кончилась поражением. Я находился в полном подчинении у страха. Уже мрак стал окутывать мою голову. Наступала гибель более страшная, чем я предполагал» [1].

Автор едва не потерпел ужасную психофизическую катастрофу.

Ходасевич, как уже говорилось выше, писал о том, что в личности Тинякова были черты подпольного человека. Однако М.Вишняк отмечает: «Ходасевич от природы был существом недостаточно социальным: в нем было нечто от «Человека из подполья» [11].

О Георгии Иванове Е.Витковский: «Лирический герой сходит со страницы и выходит в почти уже отмершую телесную оболочку поэта, чтобы начать писать стихи. А реальный Георгий Иванов все больше начинает напоминать чудовищную карикатуру на человека, персонажа давно минувших петербургских дней – Александра Ивановича Тинякова» [2.Т.1.с.36].

Сходное мнение встречается у Н.Берберовой. Она пишет о послевоенных годах жизни Иванова: «Г.В.Иванов, который в эти годы писал свои лучшие стихи, сделав из личной судьбы (нищеты, болезни, алкоголя) нечто вроде мифа саморазрушения, где, перешагнув через наши обычные границы добра и зла, дозволенного (кем?), он далеко оставил за собой всех действительно живших «проклятых поэтов» и всех вымышленных литературных «пропавших людей»: от Апполона Григорьева до Мармеладова и о Тинякова до старшего Бабичева» [2.Т.1.с.38].

В стихах Иванова возникает образ человека, о котором можно сказать, что он, подобно Тинякову, живет на пробу:

Чем дольше живу я, тем менее

Мне ясно, чего я хочу.

Все на свете не беда,

Все на свете ерунда,

И всего верней – проститься,

Дорогие господа,

С этим миром навсегда.

Можно и не умирая,

Оставаясь подлецом,

Нежным мужем и отцом,

Притворяясь и играя,

Быть отличным мертвецом [2.т.1.с.424,389].

Тиняков не решился покончить с собой, «сподлецовал, страшно».

В стихах Иванова возникает мотив мечты о самоубийстве:

Конечно, есть и развлечения:

Страх бедности, любви мученья,

Искусства сладкий леденец,

Самоубийство, наконец [2.т.1.с.329].

Это желание обостряется в последние дни жизни, но так и остается мечтой:

Страшно?.. А ты говорил – развлечения.

Видишь, дружок, как меняется мнение [2.Т.1.с.564].

Рецензируя стихи Алексея Холчева, Г. Иванов одобрил именно те стихи, в которых не без сарказма описаны колебания готовящегося к самоубийству [5].

Он сам часто пишет о скуке и признается:

Тоска в любое время года,

Как дребезжанье комара [2.т.1.с.329]

Прослеживается явное сходство с автором «Моления о пище». Но совпадения еще более существенны.

В.Яновский поделился следующим впечатлением: «... читая Иванова, бессознательно чувствуешь, что все трын-трава: можно в одну контрразведку заглянуть, затем в другую, противоположную, позволительно ошельмовать кулака отца, у еврея денег перехватить, затем у немецкого полковника, в Национально-трудовой союз записаться, а потом к советским патриотам примкнуть. Все извинительно...» [16].

Тиняков говорит: «Мне плевать! И на остракизм, и на литературу. На все. Хочу скрывать – хочу не скрывать. Сегодня в архангелах, а завтра царя убью. Захотелось – пошел и убил. А что о мне думают – плевать» [3].

Но в жизни Тинякова пока есть святое. Он хочет объясниться с Ивановым, потому что тот – «друг Брюсова».

Брюсов – стержень «паразита». Преклонение перед ним принимает у Тинякова антихристианскую форму. Ходасевич вспоминает слова Одинокого: «Мне, Владислав Фелицианович, на Господа Бога – тьфу! (Тут он отнюдь не символически плюнул в зеленый квадрат цветного окна) Был бы только Валерий Яковлевич, ему же слава, честь и поклонение!»

И далее:

«Гумилев мне рассказывал, как тот же Тиняков, сидя с ним в Петербурге на «поплавке» и глядя на Неву, вскричал в порыве священного ясновидения:

Смотрите! Смотрите! Валерий Яковлевич шествует с того берега по водам» [12].

В раннем варианте «Человека в рединготе» этот эпизод содержит интересную деталь. Тиняков говорит: «Идет по водам... Валерий Яковлевич Брюсов – идет по водам. Но не к вам, а ко мне! [3].

Тиняков имеет в виду остальных посетителей ресторана, обычных пьяниц.

Вспомним: «Брюсов – солнце, мы твари». Но кто – «мы»? Александр Иванович причисляет себя к какой-то высшей касте.

Уродливое почитание Брюсова – свидетельство того, что он считает себя прежде всего поэтом. Ходасевич писал о нем до «катастрофы» со сборником: «Ко всем поэтам, от самых прославленных до самых ничтожных, относился с одинаковым благоговением; все, что писалось в стихах, ценил на вес золота [12].

Но и после «катастрофы»

Храм оставленный – все храм

Кумир поверженный – все Бог! [6].

Но Тиняков склонен спекулировать на поэзии. Он не всегда искренен.

Среди эстетов он сознательно фальшивит, оставшись наедине с собратом читает сокровенное: «Хотите стихи прочту, – вдруг спрашивает он, – настоящие стихи, не те, что читаю буржуям...»

О Тукультипалишера,

О царь царей, о свет морей, – передразнивает он сам себя... Нет, не это. Те, что для себя пишу...»
Дальше следуют стихи о презрении к истине, совести и чести [3].

Тиняков переqualифицируется в нищие, а поэтическая спекуляция достигает логического конца.

Зошенко пишет: «Я встретил Т. год спустя. Он уже потерял человеческий облик. Он был грязен, пьян, оборван. Космы седых волос торчали из-под шляпы. На его груди висела картонка с надписью: «Подайте бывшему поэту» [1].

Тиняков хотел только «бракничать блудно да есть». В.Яновский говорит о Г.Иванове: «Возможно, что всю остальную жизнь он почитал вздором, спрашиваемым только комфортом, и поэтому ничего не стоило врать, шантажировать, предавать» [16]. Всю – кроме поэзии. «Единственно, стихи свои он воспринимал как настоящую реальность и тут не жалел себя» [там же].

Такое отношение к поэзии подтверждается И.Одоевцевой, которая свидетельствует, что для Г.Иванова стихи были, своего рода, живыми существами, и он никогда их не переделывал [8].

Здесь возникает вопрос выхода из тупика. Смогли ли мемуаристы избежать краха, которого не избежал их герой? Нам кажется – смогли.

М.Зошенко, по его словам, спасся своим «профессиональным умением думать и анализировать» [1].

В.Ходасевич, который перестал писать стихи и получал удовольствие только от бриджа [11], тем не менее чувствовал себя хранителем классической традиции русской литературы, что отразилось в «Памятнике»:

Во мне конец, во мне начало.

Мной совершенное так мало!

Но все ж я прочное звено:

Мне это счастье дано [13].

Г.Иванов, считавший себя как и Тиняков, прежде всего поэтом, в отличие от последнего, не плюет на свой алтарь [8]. Его поэзия становится гарантом прочного, а может быть, и уникального места в русской литературе. В.Смирнов пишет: «Сегодняшняя Россия почитает Георгия Иванова как одного из крупнейших лириков столетия... [9].

О Тинякове же Е.Витковский говорит, что он «обессмертил себя, как скверный литературный анекдот» [2.Т.1.с.38].

Но какой человек предстает перед читателем этой своеобразной «трехавторной биографии»?

По нашему мнению, суть происшедшего с поэтом в том, что он не выдержал искуса: искуса революцией, искуса чужим успехом и призраком легкой славы и, наконец, искуса любовной катастрофы. Три писателя, писавшие о нем, выдержали все, заняв каждый почетное место на избранном поприще.

Тиняков же стал раритетом и «скверным литературным анекдотом».

Рассматриваемая тема дает возможности углубленного изучения русской мемуаристики первой половины XX века.

Источники и литература

1. Зошенко М.М. Повесть о разуме. – М.: Педагогика, 1990. – С.3,14,15,16,17,18,28.
2. Иванов Г. Собрание сочинений в трех томах – М.: Согласие, 1994. – Т.1. – С.36- 38. Далее с указанием тома и страницы.

3. Иванов Г. Из литературного наследия. – М.: Книга, 1989. – С.474,480,481,482.
4. Иванов Г. Мемуары и рассказы. – М.: Прогресс. Париж – Нью-Йорк: Третья волна, 1992. – С.14.
5. Иванов Г. Алексей Холчев «Гонг» и «Смертельный плен». – Лепта. – 1993. - №2. С.81-82.
6. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений в четырех томах. – М – Л.: Академия наук СССР, 1961. Т.1. – С.423.
7. Носик Б. Мир и дар Набокова. – М.: Пенаты. С.166.
8. Одоевцева И. На берегах Сены. – М.: Художественная литература, 1989. – С.157,188.
9. Смирнов В. Смысл, раскаленный добела. Г.Иванов. Стихотворения. – М.: Эксмо, 2002. – С.18.
10. Струве Г. Русская литература в изгнании. Париж – Москва.: Русский путь, – 1996. – С.211.
11. Федякин С.Р. Книга для ученика и учителя. М.: Олимп, 1998. – С.367, 464, 467.
12. Ходасевич В. Некрополь. – М.: Варгиус, 2001. – С.9, 14, 32, 238, 242, 243, 244, 245.
13. Ходасевич В. Собрание стихов. – М.: Центурион интерпракс, 1992. – С.357.
14. Ходасевич В. Тяжелая лира. – М.: Панорама, - 2000. – С.22 – 24.
15. Чувственная лирика серебряный век. Сост. Вольпе М.Л. М.: Адрес-пресс, - 2004. – С.317.
16. Яновский В. Поля Елисейские. Сочинения в двух томах. М.: Гудьял-пресс, 2000. – С.300, 302.

Рыбинцев В.А., Боровская Л.В. ПРОБЛЕМЫ КРЕДИТОВАНИЯ МАЛОГО БИЗНЕСА В УКРАИНЕ

Актуальность проблемы состоит в том, что в конце XX ст.- малый бизнес в Украине стал реальностью и превратился в самостоятельный сектор экономики, сориентированной на рыночные условия развития. За последнее десятилетие функционирования национальной экономики малый бизнес сыграл главную роль в становлении отношений предпринимательской деятельности; формировании класса предпринимателей, способных по собственной инициативе создать жизнестойкие структуры - малые предприятия; обеспечивать новые рабочие места, удовлетворять потребности потребителей в товарах и услугах, формировать конкурентную среду.

Гибкость; мобильность; возможность быстрой переориентации малого бизнеса мотивирует способных инициативных людей начинать свое дело, удовлетворять собственные потребности и потребности своей семьи и вместе с тем выполнять важную социальную функцию: организовывать дополнительные новые рабочие места и изготавливать продукцию; которая бы пользовалась спросом.

Тем не менее, предприятия малого бизнеса экономически разрознены и требуют государственной поддержки.

В условиях дестабилизации экономики, ограниченности финансовых ресурсов - именно субъекты малого предпринимательства, не требующие больших стартовых инвестиций, характеризуются быстрой окупаемостью затрат, более активны в инновационной деятельности, способны при соответствующей поддержке стимулировать структурную перестройку экономики, развитие экономической конкуренции, оказывать содействие ослаблению монополизма, создавать дополнительные рабочие места, обеспечивать широкую свободу выбора, насыщать рынок товарами и услугами.

Малые предприятия остро нуждаются в своевременном финансировании и кредитовании на приемлемых условиях.

Актуальность исследования проблем малого предпринимательства объясняется также и тем, что медленность и противоречивость продвижения Украины путем рыночных реформ, в значительной мере обусловлены именно недооценкой роли и значения малого предпринимательства как структурообразующего элемента рыночной экономики.

Целью данной работы является: на основании рассмотрения проблемы работы коммерческих банков в условиях развития рыночной экономики, выработать предложения по совершенствованию системы кредитования коммерческими банками Украины предприятий малого и среднего бизнеса, снижению банковских рисков, увеличению доходности кредитных операций.

Раскрытие данной темы предполагает решение следующих задач:

- 1) изучение теоретических вопросов организации кредитования в коммерческих банках;
- 2) ознакомление с опытом кредитования отечественными банками малых предприятий;
- 3) внесение предложений по совершенствованию системы кредитования в коммерческих банках Украины малого бизнеса.

В процессе изучения сущности банковской деятельности важно придерживаться исторических закономерностей, учитывать традиционные сделки, выделяя те из них, которые привнесены конъюнктурой рынка, особенностями современного этапа исторического развития. В целом познание сути банка, как любого другого явления, требует ответа не на вопросы о том, чем он занимается, какие операции выполняет или выполнял, а о том, какими он обладает качествами, выражающими его сущностную определенность и обособленность.

При работе над данной статьей использовалась следующая нормативно- правовая база: Закон Украины «О банках и банковской деятельности» от 07.12.2001 г., Положение НБУ «О кредитовании», утвержденное постановлением Правления НБУ № 129 от 07.07.1994 г., Положение НБУ « О порядке выдачи долгосрочного кредита на потребительские цели», утвержденное постановлением Правления НБУ № 155 от 29.03.1994 г., «Рекомендации по определению финансового состояния ссудозаемщика» (Постановление Правления НБУ № 323 от 29.09 1997 г.)

Исследованной проблеме посвящены публикации украинских ученых Д.С.Гладких [4, с. 38-43], В.И.